

ИМОДЖЕН

ТИБО

ОРВИЛЬ IV

ЛАСЛО

ЗЕЛЬДА

МАРКУС

БИНА

Тихий воскресный день
в семействе Интригно...

— Ну и ну! Да ведь эта комната совершенно пуста!

— Ничего подобного, друг мой... Я бы скорее сказал, что она полна исчезнувших людей!

*Улисс Интригио, «Как я раскрыл знаменитое
дело об аметистовом артишоке»*

ИМБИРЬ

*В*о полночи оставалось всего несколько минут, когда на деревянном мосту через реку Амстел показалась проворная фигура человека, который тихонько насвистывал себе под нос на ходу. На нём был лёгкий плащ, широкие тёмные брюки и начищенные до блеска ботинки. Насладившись знакомым поскрипыванием выцветшего дерева, он прошёл мимо причальных тумб для швартовки лодок и быстрым шагом направился к дому номер 121. Четыре ступеньки крыльца — и вот он уже стоит перед тёмно-зелёной дверью с двумя отверстиями для почты, непохожими друг на друга: одного из них почти

не видно, другое же выкрашено в ярко-жёлтый цвет. Рядом с номером дома на табличке из потемневшей латуни не было ни имени, ни фамилии, ни звонка, но у весёлого ночного посетителя были при себе ключи. Ведь это был Ласло Интригио, и в этом самом доме он жил со своей семьёй.

Ласло достал ключи из кармана, поднёс их к замочной скважине и в то же самое мгновение внезапно замолчал.

Можно было подумать, будто он разглядывает мыски собственных ботинок, но нет. На самом деле он изучал взглядом промежуток, отделявший его сверкающие туфли от входной двери. Это крохотное пространство занимал коврик, лежавший на красивом чёрно-белом мозаичном полу.

— Раз, два и... три! — с некоторым раздражением отсчитал Ласло Интригио, выравнивая коврик так, чтобы между ним и дверью оставалось ровно три ряда мозаичных камушков.

Видимо, кто-то сдвинул его, ведь когда Ласло выходил, коврик лежал на своём месте.

Кто-то его сдвинул, а Тибо, дворецкий, не успел поправить, отметил Ласло, оборачива-

ясь, чтобы мельком взглянуть на безмятежный полумрак, окутавший канал.

Затем господин Интригио взглянул на свои маленькие элегантные наручные часы, повернул ключ в замочной скважине и вошёл в свой дом, обнаружив, что и там всё тоже погрузилось в блаженную сумеречную дрёму. Картины на светло-серой стене, полки с причудливыми предметами со всех частей света, альбомы по искусству, сложенные на сундуке, большое круглое зеркало с рамой из тёмного дерева, маленькая жертвенная статуя Будды, которую Бина ухватила в той безумной поездке в Тибет...

Казалось, всё на месте, но всё-таки было в воздухе и что-то непривычное, и у Ласло от этого сразу защипало в носу.

Имбирь, подумал он. Совсем как основная нота парфюма, который носит Оливер ван Слай III, заклятый враг семьи Интригио. Своего рода ароматическая подпись, подолгу веявшая там, где он вершил свои злодеяния.

В этот миг долгие годы тренировок мгновенно перевели сознание Ласло в режим повышенной готовности. Он бросил взгляд на раздвижную дверь, за которой обожал исчезать

направлявшийся на кухню Тибо, и отодвинул её, но не заметил ничего примечательного; осмотр деревянной лестницы на верхние этажи тоже ничего не дал. А вот в коридоре, ведущем к кабинету Ласло, торшер был сдвинут на несколько сантиметров. И висящий в глубине библиотеки портрет тёти Эдны, неоспоримой главы семьи, тоже оказался чуточку смещён, как будто кто-то заглядывал под него в поисках сейфа. Ласло подошёл к картине на цыпочках, вернул её в привычное положение и несколько раз надавил на некоторые из позолоченных извилин рамы. Казалось, что он набирает какой-то код на клавиатуре.

Так оно и было: толстая рама портрета тёти Эдны и впрямь служила небольшим сейфом, который открывался при нажатии на несколько замаскированных позолотой кнопок.

Ласло протянул руку и достал из открывшейся сбоку от картины ниши крошечный пистолет с перламутровой рукояткой — Семейную реликвию номер двадцать, ласково прозванную «Фатальной Барышней».

— Ван Слай, ван Слай, не знаю, как же ты сумел проникнуть в дом... Впрочем, есть несколько